

— 8 апреля 1984 г. +18 градусов. Лёша Иванов поймал на Корневке три форели, Серёжа - ноль.

С 10-го по 20-е апреля я был в очередной командировке. Сначала в Москве, на заседании оргкомитета очередного (седьмого уже) Всесоюзного семинара по моделированию ионосферы, намеченного на октябрь в Иркутске. Останавливался как обычно в Измирановской гостинице. Там же оказались Мизун, Латышев, Колесник. Мизун затащил нас к себе в номер, поил, хвастался, сколько он книг за последнее время написал - пять или шесть уже, кажется. Потом пришёл удручённый Генрих Старков - Фельдштейна увезли в больницу с сердечным приступом. Пили с Генрихом. За здоровье Фельдштейна.

Из Москвы я отправился в Мурманск, на 3-е Всесоюзное совещание "Полярная ионосфера и ионосферно-магнитосферное взаимодействие", которое Мизун опять проводил в "69-й параллели". От нас в Мурманск ездили ещё и Саенко с Клименко. Володя приехал раньше меня, а Саенко, наоборот, позже, задержался на день.

В Мурманске всё время находился в состоянии тяжёлого недосыпа. Началось с того, что прилетел ночью, в четвёртом часу только поселился (вместе с Гинзбургом нас поселили в номер, где уже спал Клименко). На следующий день Власков к себе пригласил вместе с Сашей Можаевым и братцем своим младшим из Ростова. Сидели, конечно, до упора, про смысл жизни толковали. В гостиницу с Можаевым возвращались пешком ночью через весь город, по слякоти.

За столом у Власковых я вспомнил анекдот, который в своё время очень понравился Гудрун: о разделении обязанностей между мужем и женой. На вопрос, почему они с мужем согласно живут, жена отвечает: - А мы с мужем с самого начала разделили обязанности. Я решаю всякие мелкие вопросы - куда мы поедем летом, сколько у нас будет детей, где ему лучше работать, как потратить деньги, а он занят крупными проблемами - будет или не будет война, кто будет президентом...

Анекдот этот и сейчас пришёлся по душе слушателям, особенно Оленьке - молодой жене Власкова. Но я заметил в этот раз, что ведь и на самом деле кто-то решает - будет или не будет война, кто будет президентом, а кто-то утешается анекдотами.

Рассказал о нашей затее с Б.Е. - написать книгу об ионосфере. Власков вдруг стал уверять меня, что Б.Е. обязательно зятя своего - Терещенко в соавторы втащит, и даже готов был поспорить на бутылку коньяка. Я удивился эдакой его уверенности, хотя слухи о брүнеллевском якобы расцветающем кумовстве до меня доходили, главным образом, от Мизуна. Он одно время нещадно, но безуспешно боролся с братьями Терещенко, выпускниками кафедры радиофизики ЛГУ, лихо шедшими в гору в ПГИ. Младший из них, Евгений был женат на дочери Бориса Евгеньевича и стал завлабом. Терещенок и Мальцев со Славой не любили за их нахрапистость и оголтелую коммунистическую "сознательность". Сам я ни с одним из братьев знаком не был.

Власков, кстати, отделился от Мизуна и сам стал завлабом. Они, по словам каждого, остались как будто бы в хороших отношениях, но вот в организации этого совещания Власков практически не участвовал, тогда как раньше он был правой рукой у Мизуна во всех таких мероприятиях. Теперь Мизун всю Мингалёвых эксплуатировал в этом плане.

Галю, бедную, он при мне до слёз довёл. Велел ей заставить всех участников выкупить заказанные им (по инициативе Мизуна, а не по их заявкам) обратные билеты в те места, откуда они прибыли. А многих это не устраивало, особенно дальних, из Сибири, иркутян и якутян. Они ещё по всяким делам кто куда собирались заодно съездить - в Москву, в Ленинград, раз уж выбрались. Аэрофлот же ввёл новые правила, о которых Мизун не знал, грозившие ему крупной неустойкой в случае невыкупа билетов.

Инициатива наказуема! И объясняться с пострадавшими следовало бы самому Мизуну, он же взвалил эту неприятнейшую миссию на Галю. В конце концов

облагодетельствованные приезжие все билеты выкупили, потом сдали и купили новые. — На следующий день опять в гостях - Мизун устроил у себя приём. Пригласил и нас: меня, Саенко и Клименко. Я стал было отказываться, так как хотел провести вечер со Славиком и с Юрой, но оказалось, что Мизун и их пригласил. Были также Колесник, Часовитин, Марат Дёминов, кажется, Гинзбург, Латышев, Хазанов, кто-то ещё. Мизун жил теперь со своей молодой женой в маленькой двухкомнатной квартире типа нашей ладушкинской, куда он переехал из своих сталинских хором, оставив там первую жену с тремя сыновьями - один, правда, уже студент, и двое близняшек - школьников.

— Новая жена - пышная жгучая брюнетка Юлия, не слишком за тридцать, работавшая раньше у Мизуна лаборанткой, а теперь, похоже, нигде не работающая, зато сопровождающая Мизуна практически во всех его поездках, особенно в тёплые края, демонстрировала (так мне показалось) свою страстную любовь к мужу, а, может, и в самом деле вся пылала ею, хотя они уже не первый год жили вместе, и старалась не ударить в грязь лицом перед гостями - стол был шикарен: коньяки, шампанское, водка, сёмга, палтус и проч., и проч., плюс пироги домашние её собственного изготовления. У Саенки с Клименкой глаза на лоб лезли от такого изобилия.

— Я подзуживал Славу завести дискуссию. Его не нужно было долго уговаривать. Поначалу он пытался выжать из присутствовавшей публики, чем она объясняет такое достижение советского общества как отсутствие безработицы. Публика, однако, преимущественно отмалчивалась и налегала на рыбку. Я высказал первую пришедшую мне в голову версию - искусственным сдерживанием роста производительности труда посредством оплаты не по труду, уравниловкой, когда выплачивается лишь прожиточный минимум с небольшими вариациями. "Сэкономленное" таким образом играет роль пособия по безработице, которое выплачивается бездельникам в виде их заработной платы.

— К сожалению, этот мой экспромт не был должным образом раскритикован, так как Слава всё пытался услышать и другие точки зрения, но так никого больше и не расшевелил, и тема заглохла.

— Тогда я поддразнил Славу каким-то скептическим высказыванием на счёт демократии, процитировав ещё и Пушкина:

_____... Зависеть от царя, зависеть от народа -

_____ Не всё ли нам равно? Бог с ними ...

— Тут Слава подзавёлся. Он продолжил стихотворение, которое, оказалось, помнил всё наизусть, а потом заявил, что к демократии оно никакого отношения не имеет, и что я демократии ни бельмеса не понимаю. Демократия это не есть просто диктатура народа или большинства. Демократия - это когда гарантированы права меньшинства, имеющего иную, чем большинство, точку зрения.

— Тут он сел на своего любимого конька и стал с воодушевлением и очень интересно рассказывать о 2-м съезде РСДРП, который готовили активисты партии, оказавшиеся потом в меньшинстве (меньшевики), что явилось для них полной неожиданностью, и им пришлось отдать созданную ими же партию под руководство людей, оказавшихся в большинстве на съезде. Такую возможность они не предусмотрели и впоследствии жестоко за это поплатились.

— Славик, видать, глубоко изучил эту историю. Он знал не только фамилии, но и биографии всех видных (по тому времени, среди социал-демократов, а сейчас практически неизвестных) участников съезда. Славу слушали внимательно, даже почтительно, но спорить или просто высказываться никто не желал. Даже изобилие спиртных напитков не помогало, ибо ему противостояло ещё более могучее изобилие закуски.

— Несколько раскованнее гости чувствовали себя на кухне, куда выходили курить. Там травили анекдоты, главным образом, про чукчу, сменившего Василия Ивановича Чапаева.

— "Чукча на берегу Берингова пролива плачет: - Ай, какой царь Николай плохой! Зачем Аляску американцам продал? Зачем Чукотку не продал?"

___ Колесник рассказал про Андропова.

___ "Андропову размяться захотелось, он сам за руль сел, водитель рядом. Останавливает их гаишник, увидел, кто за рулём, в обморок упал. Напарник подбегает, спрашивает:

___ - Кто проехал?

___ - Не знаю, кто проехал, но за рулём у него - Андропов!"

___ С Борисом Евгеньевичем я вдоволь пообщался. Обсудили все наши дела, подбодрили друг друга, точнее, я его, а то что-то он стал пугаться - не слишком ли он отстал от современного уровня физики ионосферы. Я уже высылал ему половину первой из числящихся за мной глав, а сюда привёз и вторую. И на банкете, завершавшем по традиции конференцию, я пил меньше обыкновенного, а сидел рядом с Б.Е. и рассказывал ему о событиях последних лет своей жизни - об утоплении мотоцикла, об увлечении янтарём, о работе над большой моделью и наших неудачах с добычей ЭВМ.

___ - А ВЦ Кольского филиала, кстати, получил ЕС-1045, - сообщил Б.Е., - приезжайте считать, когда запустят.

___ Б.Е. выглядел прекрасно, с неожиданным для меня темпераментом произносил всеобщие тосты, выполняя вместо Мизуна обязанности тамады. На чей-то комплимент по поводу того, что он хорошо выглядит, Б.Е. сказал, что это у него наследственное, и рассказал про своего дядюшку, который в его возрасте женился на своей аспирантке, и она была счастлива с ним, а после смерти его долго ходила к нему на могилку.

___ А на следующий после банкета день (заседаний уже не было, начался разъезд) Саенко уговорил меня покататься на лыжах. Даже обещал, что сам в прокате возьмёт мне лыжи и ботинки и обратно отнесёт, так ему хотелось покататься, только не одному, а в компании с кем-нибудь. Большинство же после банкета на лыжню не рвалось. Да и погода была поутру неприятная - слякоть, крупа какая-то сверху сыпется, в городе асфальт уже прорезался. Здесь, правда, в Долине Уюта и на прилегающих сопках снега ещё много, но он мокрый, рыхлый. Покатят ли лыжи?

___ В пункте проката мы их смазали, и оказалось, что по накатанной лыжне (а в Долине она не одна, место очень популярное для лыжных прогулок и соревнований) вполне можно было скользить. Я уж не помнил, когда в последний раз на лыжах катался: пожалуй, в Ладушкине лет десять, а то и больше назад, но бежал легко, с удовольствием. Саенко пыхтел сзади и просил, чтобы я не мчался.

___ Он только-только начал оклёмываться после своего остеохондроза с неврастенией. И поставил его на ноги психиатр. Обратиться к психиатру посоветовал ему я, исходя из своего опыта общения с Раяй Снежковой. Сама Рая была ещё в Минске, и Саенко пошёл к первому попавшемуся врачу поликлиники при психиатрической больнице. Им оказался (я узнал об этом позже, когда Саенко уже закончил курс лечения) ... Вильгельм Филиппович Рамхен, тот самый, которому я так и не отдал рубль, занятый у него в поезде.

___ Он прописал Саенке длительный курс таблеток, от которых тот постепенно перешёл из состояния сплошного уныния, подавленности и прислушивания к себе в состояние почти непрерывной эйфории, благодушия, довольства собой, другими и жизнью вообще. При этом у Саенко открылся жуткий аппетит, и он жирел прямо у нас на глазах. Забавно было наблюдать эти метаморфозы.

___ Хотя Саенко, потеряв за последние года полтора свою былую физическую форму, и задыхался сейчас сзади, он всё же оставался урождённым пермяком, проводившим на лыжах всё своё детство, и рвался прыгнуть с одного из спортивных трамплинов, мимо которых как раз проходила лыжня. Мы полезли, ставя лыжи лесенкой, я к столу отрыва большого трамплина, чтобы просто скатиться оттуда, а Юра - на вершину трамплина поменьше, юношеского, наверное. Кроме нас с ним желающих прыгать поблизости не было, зато наверху в специальной будке оказался сторож, который начал нас костерить на чём свет стоит, что мы тут трассу разбиваем.

— Я не стал упорствовать и скатился с того места, докуда залез. А Саенко начал ему в ответ радостно так орать, продолжая при этом лезть вверх:

— Да чего тебе, снега жалко? Где же ваше северное гостеприимство, мурманчане? Я сюда специально приехал с трамплина прыгнуть! - и добрался тем временем до самого верха.

— Если упаду, больше не полезу! - крикнул он напоследок и ринулся вниз.

— К моему великому удивлению шлёпнулся он не так безобразно, как я ожидал. После этого мы с ним пробежались по лыжне, километров пять в одну сторону - заставил-таки я его, потом обратно. Временами выглядывало солнце, и накатались мы от души.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)